

Несомненно, что перевод, предложенный Н. П. Лихачевым, оказался в какой-то степени обескураживающим. Он сам нуждается в сложном осмыслении. Это как бы подстрочник, слова которого утратили связь с живой мыслью оригинала. Византийская аналогия кажется здесь не очень убедительной: столь велико расстояние от изящного метрического афоризма до тяжеловесного в своей лапидарности речения. Следует отметить, что на Руси в отличие от Византии не существовало частной или полуофициальной печати, а были только официальные буллы самых высших государственных институтов. На таких буллах возможное заимствование надписи с частных византийских печатей, встречающихся к тому же не очень часто, выглядит несколько странным.

Смысловая незавершенность лихачевского перевода, некоторая эскизность его аргументации и, говоря откровенно, разочаровывающая бессодержательность надписи, чтению которой придавалось так много значения, заставляют особенно придирчиво относиться к толкованию, предложенному Н. П. Лихачевым. Это толкование, как будет показано ниже, оказалось вполне правильным. Тем более нам следует устранить некоторые шероховатости существующей аргументации.

Два обстоятельства в толковании Н. П. Лихачева казались сомнительными. Во-первых, слово «дно» в известных текстах употребляется в трех формах: «дъно», «дъно» и «дно». На печатях же, где отмечено пять вариантов написания загадочной формулы («Дънѣслово», «Дъньслово», «Дѣньслово», «Дѣнѣслово», «Денеслово»), во всех пяти случаях использован только один фонетический вариант — с мягким «д». Во-вторых, предложенный Н. П. Лихачевым перевод предусматривает наличие в оригинале предлога, т. е. написание формулы в варианте «въ дънѣ слово». Закономерность опущения предлога исследователем не была подтверждена. Эти сомнения, как выяснилось, не противоречат лихачевскому толкованию. Последнее было решительно поддержано П. С. Кузнецовым, консультации которого использованы в настоящем разделе исследования.

Наблюдения над способами изображения слова «дно» в различное время показывают, что форма «дно» существует в наиболее поздних текстах XIV—XVI вв., форма «дъно» характерна для наиболее древних текстов XI в. (Гр. Наз., 132; Пат. Син., 92). Что касается формы «дъно», то встреченная впервые

еще в XI в. (Панд. Ант., 157), в дальнейшем она отмечена в рукописях XII—XV вв.⁵⁶ Это сопоставление как будто позволяет утверждать, что присутствующая на буллах форма написания через «ь» действительно была наиболее предпочтительной в XII—XIII вв. и, возможно, в конце XI в.

Опущение предлога в местном падеже также принадлежит к числу вполне закономерных явлений. Классический пример можно привести из Остромирова евангелия 1056—1057 гг.: «Самъ же Изяславъ кѣнязь правляше столѣ отца своего Ярослава Киевѣ. А брата своего столѣ поручи правити близоку своему Остромиру Новѣгородѣ»⁵⁷.

Таким образом, из перечисленных пяти вариантов написания формулы наших печатей грамматически правильным является вариант «Дънѣслово», а он встречен на печатях в 14 случаях из 21⁵⁸. Некоторое недоумение вызывают замены «ь» в корне слова на «ѣ» и на «е» и замены «ѣ» на «ь» и на «е» в окончании местного падежа⁵⁹. Однако во всех случаях такие замены могут иметь чисто фонетический характер и свидетельствовать о том, что грамматическая структура надписи, воспринимаемой на слух или копируемой с неудовлетворительных образцов, оставалась непонятной резчикам отдельных матриц. Последнее обстоятельство само по себе небезынтересно для характеристики надписи: сложная формула печатей кажется искусственной, сочиненной. Ее изображают, не вникая в ее смысл.

Подтверждая правильность лихачевского перевода, следует еще раз отметить, что он нуждается в дальнейшем истолковании. Н. П. Лихачев предложил лишь подстрочник. Перевод «внутри слово» так же загадочен, как и оригинал «Дънѣслово».

По-видимому, теми же чувствами неудовлетворенности существующим переводом было порождено толкование надписи, предложенное Б. А. Рыбаковым, который в ряде указанных выше статей называет буллы «Дънѣслово» печатями тайной переписки. К сожалению, новое толкование надписи, бытующее в литературе более двадцати лет и ревниво защищаемое

de qui je suis le sceau» (G. Schlumberger. Sigillographie, p. 60).

⁵⁶ И. И. Срезневский. Указ. соч., т. 1, стр. 760. Об устойчивости формы «дъно», между прочим, свидетельствует ее сохранение в современных говорах («денышко», «денце»). См.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. М., 1955, стр. 427.

⁵⁷ «Остромирово евангелие». СПб., 1883.

⁵⁸ Всего сейчас известно 23 различных варианта печати «Дънѣслово», однако на двух из них надпись читается не полностью (№ 87, 94).

⁵⁹ Имеются в виду остальные семь случаев.